

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ПАРАДИЗ: Низовка начала XX века глазами путешественников и автохтонов¹

Е. Г. Милюгина

ФГБОУ ВПО «Тверской государственной университет», Тверь

В центре внимания статьи и прилагаемой публикации — д. Низовка Тверского у. Тверской губ., ставшая на рубеже XIX—XX в. местом своеобразного культурного паломничества русских и иностранных путешественников в связи с тем, что в ней жил в это время крестьянский поэт С. Д. Дрожжин. Публикуемые документы: фрагменты из дневника Л. Андреас-Саломе и воспоминания С. Д. Дрожжина «Современный германский поэт Райнер Рильке» — представляют собой источниковую базу для реконструкции образа Низовки, какой ее увидели в 1900 г. Р. М. Рильке и Л. Андреас-Саломе и какой она представлялась ее уроженцу Дрожжину. Комплексный анализ этих материалов позволяет понять, почему Низовка осмыслилась путешественниками как предельное выражение русскости и какие ее ландшафтные и социокультурные особенности стали основанием для ее мифологизации, наделения статусом русского (точнее, верхневолжского) парадиза.

Ключевые слова: С. Д. Дрожжин, Р. М. Рильке, Л. Андреас-Саломе, Верхневолжье, Низовка, русская провинция, русская идея, русскость, парадиз, российско-германские связи, рубеж XIX—XX веков.

Исследователи проблемы «Р. М. Рильке и Россия» не раз обращались к материалам, касающимся легендарной встречи Р. М. Рильке и его спутницы в путешествии по России Л. Андреас-Саломе с крестьянским поэтом С. Д. Дрожжиным. Речь при этом идет, как правило, о жизненных контактах представителей двух национальных литератур — австрийской и русской [1; 5], о творческих связях, определивших в той или иной степени процесс взаимовлияния и взаимообогащения разных национальных культур, их художественный диалог [2; 4] и т. д.

Однако один из важнейших аспектов этой встречи, как представляется, до сих пор не привлекал внимания исследователей. Легендарная встреча, как известно, состоялась в контексте путешествия Рильке и Лу Саломе по России (9.05–22.08.1900). Сверхзадачей путешествия было понять русскую идею [1], уяснить, прочувствовать, уроднить себе русскость как образ духовной жизни, жизненный путь, судьбу, пассионарность. Каждый этап этого путешествия (Москва, Киев, Саратов, поездка на пароходе по Волге до Ярославля, три дня в деревне Кресты-Богородское) становился для Рильке и Лу Саломе очередным погружением в русскую культуру, сосредоточенную в том или ином локальном тексте. Понятно, что радость первого знакомства с каждым локальным изводом русскости провоцировала у путешественников невольное желание идеализировать познаваемый локус, мифологизировать его. Мифотворческому восприятию

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ и Правительством Тверской области научного проекта «Верхневолжские водные пути в русской культуре», проект №14-14-69002.

и такому же (в тенденции) описанию познаваемого локального текста способствовало и общение путешественников с автохтонами, которые всегда выступают не только проводниками по культурному миру локуса, но и носителями, аккумуляторами и творцами локальной мифологии. Тем самым в каждый локальный сюжет путешествия оказываются вовлечены не только путешественники и автохтоны, но и само *место* их встречи, локус в его реальном / воображаемом, историческом / мифическом и т. д. измерениях.

Поэтому, говоря об интересующей нас исторической встрече, нужно принимать во внимание не только всех действующих лиц этого сюжета (а это путешественники Рильке и Лу Андреас, автохтоны Дрожжин, его жена и мать, его соседи — семейство Н. А. Толстого), но и сам локальный текст Низовки в его геокультурном, социальном, историческом, культуротворческом, мифотворческом и других измерениях. Низовка — такой же субъект этой встречи, как Рильке, Лу Саломе и Дрожжин. Текущая здесь Волга, деревня с садами, тянущаяся вдоль берега, пахотные и засеянные поля, болота с клюквой и лесными орхидеями, резвая лошадка, торопящаяся после дневной работы к своему стаду, крестьянский быт, тишина — вся эта «поэзия и правда повседневной жизни», по словам Лу Саломе, определяет образ места, неповторимый облик Низовки, ее «будничную редкость».

Низовка, как показывают публикуемые ниже материалы, переживалась путешественниками как поэтическое творение русского народа-художника, осмыслялась как предельное выражение русскости, «подлинное превосходство людей, развившихся в полную силу». Это не могло не выразиться в ее мифологизации: по мысли Лу Саломе, жители Низовки «глубоки и не нуждаются, видимо, ни в каком образовании. Тот, кто заговорит с ними, тотчас оказывается у глубочайшего источника, приближается к великим вещам и проблемам, к мыслям о Боге, смерти, весне». Подчеркну, что такое восприятие Низовки сторонними наблюдателями активно поддерживается и автохтонами: Дрожжиным, его женой Марией Афанасьевной, его матерью Аграфеной Васильевной, его соседями — семейством Н. А. Толстого. Они, судя по дневниковым записям Саломе и воспоминаниям Дрожжина, позиционируют малую родину как мифический Центр мира. В результате Низовка осмыляется путешественниками как искомый и вдруг обретенный рай, верхневолжский парадиз. Эту версию подтверждают и слова Саломе, ответившей Дрожжину на его вопрос о Низовке: «Так у вас здесь хорошо, что, если бы возможно было, я навсегда осталась бы жить в вашей деревне».

Список литературы

1. Азадовский К. М. «Россия была главным событием...» // Рильке и Россия: Письма. Дневники. Воспоминания. Стихи. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2003. С. 5–117.
2. Бойников А. М. Р. М. Рильке и С. Д. Дрожжин: к проблеме творческого взаимодействия // Вестник Тверского государственного университета. Сер. Филология. 2014. № 3. С. 27–31.
3. Рильке и Россия: Письма. Дневники. Воспоминания. Стихи / изд. подгот. К. Азадовский. СПб.: Иван Лимбах, 2003. 656 с.: ил.

4. Романова Ю. А. Спиридон Дрожжин в «Дневнике путешествия с Райнером Марией Рильке в 1900 году» Лу Андреас-Саломе // Вестник Тверского государственного университета. Сер. Филология. 2009. Вып. 2. С. 22–27.

5. Спиридон Дрожжин глазами современников и потомков: ст. и воспоминания / ред.-сост. М. В. Строганов. Тверь: Золотая буква, 2001. 239, [1] с.: портр.

Об авторе:

МИЛЮГИНА Елена Георгиевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка с методикой начального обучения ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», Тверь; e-mail: elena.milyugina@rambler.ru.

Приложения

1. Л. Андреас-Саломе

ИЗ «ДНЕВНИКА ПУТЕШЕСТВИЯ С РАЙНЕРОМ МАРИЕЙ РИЛЬКЕ В 1900 ГОДУ»

Подготовка текста, публикация и комментарии Е. Г. Милюгиной¹

Низовка. У Спиридона Дмитриевича Дрожжина

Не хватает времени описать, отчего здесь день становится таким необычным и обогащается множеством впечатлений, которые нигде более не получишь.² То соседствуешь с животными в хлеву, занимающем по крайней мере половину *избы*, то лежишь на сене, то идешь по равнине с ее широкими полями, лугами, заросшими высокой травой, дремучими лесами и берегом Волги, которая здесь сужается³ и течет неслышно. Крестьянский быт жителя русской деревни можно изучать в *избе* этого поэта, который сам — крестьянин. Правда, еще более это можно сказать о его жене:⁴ жизнь мужика, воспетая в его песнях, звучит совсем иначе в ее устах, когда она просто рассказывает о том, что пришлось пережить. Он до сих пор радуется цветам или сенокосу, потому что возбуждается аппетит, — она же работает от зари до зари, ничего не может есть от усталости, во время работы утоляет жажду болотной водой и страдает от позывов рвоты, потому что ее дыхательные пути забиты пылинками сухого сена. Как трогательны и обаятельны эти люди в своей простоте и силе, и будто не от мира сего — так ясен их радостно-смиренный дух. И в целом здесь опять-таки видишь, насколько петербуржцы — и даже москвичи — не понимают русской де-

¹ Текст печатается по изд.: 3, с. 277–282.

² Ср.: «*Изовка* <Низовка> лежит вдали от железных дорог, и *пристань* тоже неблизко, зато лес и речка рядом; здесь хотелось бы прожить всю жизнь. *Спир<идон> Дим<итриевич>* и его домашние одарили нас в эти дни множеством радостных впечатлений; мы живем у них и всегда будем им благодарны за то, что нам позволено было настолько слиться с их жизнью!» [Из письма Л. Андреас-Саломе к С. Н. Шиль, Низовка, 20.07.1900: 3, с. 276].

³ Т. е. выглядит не такой широкой, как в Ярославле, из которого Рильке и Саломе только что приехали.

⁴ Дрожжина Мария Афанасьевна (урожд. Чуркина; 1855—1920).

ревни; всеобщее пьянство, пьяный поп, упавший лицом в грязь, нечистоплотность и людская мерзость — небылицы. Да и сам *Дрож*<*жин*> подтверждает, что всё это скорее фантазия, нежели действительность. Мы навестили его мать, семидесятилетнюю крестьянку, которой на вид — лет пятьдесят пять;¹ рот полон зубов, волосы светлые, не поседевшие, щеки в морщинках; когда смотришь на нее со спины, кажется, что это молодая женщина, идущая упругой походкой. Она всё произносит с какой-то патетической нежностью и почти на библейский лад — в точности как Макарова;² мы ей понравились, она поцеловала меня и порывалась нас угостить в своей *избе*. Она родила двенадцать детей; один из выживших, ее другой помимо *Дрож*<*жина*> сын, отправляется теперь в Китай на войну.³ Кроме нее познакомились, хотя и более бегло, еще с одной женщиной, судя по виду — деревенской дурочкой; сейчас ей тридцать, а с ума она сошла потому, что некогда ее отдали не за того, кого она любила; и вот она бродит весь день, оборванная, суетится и бормочет про себя. Ночной сторож здесь романтичнее, чем в *Креста*; он обходит деревню со звенящим треугольником, на котором висят, прелестно позвякивая друг о друга, три колокольчика.

Креста расположена на холме, обрывающемся к Волге, совсем рядом с городом, и добраться до нее просто; там есть и церковь, хотя сама деревенька маленькая; а в этой отдаленной деревне, окруженной лесом и водой, церкви нет, рядом — кладбище и река *Шуша*;⁴ чтобы сюда добраться, нам пришлось долго ехать в тарантасе, причем трясло нас так, что мы постоянно прикусывали себе язык. На второй день была чудная погода, и мы пошли с *Дрож*<*жиным*> в лес, местами заболоченный, — *непроходимые болота*, с гигантскими деревьями, где в начале зимы буйствовал страшный ураган. Среди множества ягод мы нашли орхидеи⁵ и клюкву — я впервые в жизни видела, как она растет. Ее листочки напоминают листья миртового дерева. Вечером мы вышли на берег Волги, который подобен здесь морскому берегу; всё так располагает к себе, что хочется здесь жить всегда; но я не смогла бы, нет, я тосковала бы по *большой* Волге с ее высокими берегами, могучими лесами и бескрайней степью; здесь всё как-то на

¹ Дрожжина Аграфена Васильевна (урожд. Московская; 1828?—1912).

² Крестьянка, у которой Рильке и Саломе останавливались во время пребывания в д. Кресты-Богородское под Ярославлем. В письме к матери Рильке писал об этом: «Я провел три дня в маленькой избе, живя как крестьянин среди крестьян. Я спал без постели и делил с моими хозяевами ту скудную пищу, которой они изредка питались в часы их тяжелой работы» (цит. по.: *Роднянская М. Р. М. Рильке: притяжение России // Истина и жизнь. 2007. № 1–2 [электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.istina.religare.ru/>. Дата обращения: 1.1.2015. Загл. с экрана)*

³ С конца 1890-х гг. Россия вела борьбу за Манчжурию и держала в Китае свои войска.

⁴ Р. Шуша в Тверской и частично Московской обл., правый приток Волги; длина 163 км. Берет начало на Московской возвышенности, в верхнем течении извилиста, ниже с. Тургиново русло расширяется. После слияния с Ламой ныне впадает в Иваньковское вдхр., образуя Шошинский плёс — затопленные низовья реки.

⁵ Речь идет о лесных растениях семейства орхидных — *Orchidaceae* (Красная книга Тверской области / ред. А. С. Сорокин. Тверь: Вече Твери, АНТЭК, 2002. С. 48).

северный лад, всего лишь попытка *того* пейзажа, робкое подражание ему; да и северное само по себе для меня не то же, что общерусское, которое если где и есть, то в центральных областях: если говорить о городе — это Москва, если о пейзаже — центральная часть Волги, где северная природа становится мягче и человечнее. — Пока мы стояли на берегу Волги, в совершенно тихом вечернем воздухе послышалось конское ржание, и какая-то резвая лошадка проскакала мимо нас, торопясь после дневной работы к своему стаду, ночующему где-то в долине. Вдалеке то и дело вспыхивали костры, разложенные пастухами; они ярко горели в светлой ночи. Через некоторое время невесть откуда приплелась другая лошадка, волоча за собой деревянный чурбан, который привязали к ее ноге, чтобы сдержать ее дикие прыжки по колоссящему полю. Я невольно вспомнила картину в галерее *Цветкова* «Тройка во ржи»: пока ямщик дремлет, две лошади усердно поедают колосья, а средняя, которая из-за ярма не может заняться тем же, подняв голову, меланхолично смотрит с картины.¹

Хорошо бы послушать, как 23 апреля, в день святого Георгия,² весь скот впервые выпускают из стойла. Дрож<жин> рассказывает: со всех сторон несется безумно радостное мычанье, блеянье и ржанье; животные, ошавев от вида себе подобных, бросаются друг на друга, хмельные от счастья и отваги, отвыкшие друг от друга. Лишь потом они сызнова заводят между собой знакомство, а родившиеся за зиму жеребцы и телята постепенно успокаиваются и привыкают к пьянящей весенней жизни.

Все подобные события резко выделяются, конечно, среди той глубокой тишины, что так непривычно обступает русскую деревню. Здесь не услышишь лая, скрипа, стука, женской болтовни или детского визга; здесь люди тоже подолгу молчат и молятся, и будничная жизнь не всегда проявляется в них бурно и стремительно. Это великолепно и отмечено несказанным достоинством. Вот одна из причин, почему эти люди глубоки и не нуждаются, видимо, ни в каком образовании. Тот, кто заговорит с ними, тотчас оказывается у глубочайшего источника, приближается к великим вещам и проблемам, к мыслям о Боге, смерти, весне; тяжелая жизнь выливается у них в какое-то молитвенное смирение, и именно эта покорность, а совсем не ирония или горечь, звучала в словах Макаровой: «Что отдыхать? Вот умрем, тогда отдохнем». В Германии изумляет то, что обыкновенные люди, как правило, куда более образованны, но их интересы никогда не обращены напрямую к глубокому или вечному — этого ожидают лишь от наиболее просвещенных умов или же от своеобразных, исключительных натур. Но о русских людях можно сказать, что редкостное в них буднично, а будничное — редкостно.

¹ Картина П. О. Ковалевского (1843–1903). См.: Перечень картин и рисунков собрания И. Е. Цветкова. М., 1904. С. 36.

² 23 апреля — день памяти вмч. Георгия Победоносца. Для русских крестьян праздники в честь св. Георгия-Егория были своеобразными вехами в сельском труде: так, на «весеннего Георгия» в первый раз выгоняли в поле скот.

К «Молчанию в деревне» — название, по контрасту с бёклиновским «Молчанием в лесу»,¹ вполне подходящее для этой сказочной мистики, — принадлежит также внешний стаффаж. Деревня, обрамленная бескрайними лугами, лесами и водами, сама по себе напоминает интерьер: как резные ящички, поднимаются избы на просторе полей, называемом деревенской дорогой; всюду сплошь трава — зеленый ковер, на котором, как внутри замкнутого пространства, разыгрывается жизнь. Дома так малы, а ландшафт так велик! И в домах, например как у *Дрожжина*, хлев — опять-таки интерьер; благодаря прорехам в соломенной крыше солома под солнцем отбрасывает золотые блики на натюрморт с животными: вспоминаются ясли в Вифлееме.² Слева и справа спали мы; остальные (жена и дочери³) — в главной комнате с большой печью и на печи; с березового ствола, положенного наискось, свешивается импровизированная люлька для внука. В хлеву находится и умывальник: на веревке висит глиняный кувшин с двумя отверстиями, и, когда его наклоняешь, из него льется вода. Это можно видеть в России повсюду. Каждую субботу это мытье дополняется веником и паром в бане. Даже в самой бедной деревне есть *баня*.

Новинки

Первое посещение близлежащего поместья Толстых⁴ привело вскоре ко второму визиту, когда мы остались у них на ночь.⁵ Кроме радости получить к

¹ Известная картина А. Бёклина (1885).

² Ясли Христовы — кормушка для домашних животных, в которую, согласно евангельскому рассказу, Богородица как в колыбель положила новорожденного младенца Иисуса. Известны две реликвии, отождествляемые с яслями Христовыми, — в Вифлееме и в Риме. В нач. XX в. М. Скабалланович описывал вифлеемские ясли Христовы (в базилике Рождества) как сделанные из мрамора, причем «дно из белого мрамора, а боковые стенки из коричневого мрамора; в яслях лежит сделанное из воска изображение младенца Христа» (*Скабалланович М. Вифлеем — родина Христа // Православный поклонник на Святой Земле [электронный ресурс].* Режим доступа: <http://palomnic.org/>. Дата обращения. 1.1.2014. Загл. с экрана). Ср. зарисовку Саломе с русским живописным каноном изображения сюжета Рождества Христова: *В. Л. Боровиковский. Рождество. 1790; В. К. Шебуев. Рождество Христово. 1847; И. Е. Репин. Рождество Христово. 1890* и др.

³ У Дрожжиных было три дочери: Дарья (в замуж. Новожилова; 1878—?), Анна (1883—?), Зинаида (1886—1909).

⁴ Имение Новинки Городенской вол. Тверского у. Владельцы — Толстые. В состав имения входили дд. Котово, Пугина, Слободка; Толстым принадлежало также имение Мелково Городенской вол.: Перечень строений, угодий, скота, инвентаря. 1919 // ГАТО. Ф. Р-854. Оп. 1. Д. 37. Л. 17; О библиотеке Н. А. Толстого // ГАТО. Ф. 103. Оп. 1. Д. 434. Л. 5 об.—6; Мартиролог российского дворянства // Дворянское собрание: ист.-публицист. и лит.-худож. альманах. 1994. № 1. С. 262–264; Экономико-статистическое описание имения Новинки / сделано В. Покровским в нач. 70-х гг. XIX в. // Сборник материалов для статистики Тверской губернии. Тверь, 1877. Вып. 4. С. 46–49.

⁵ Первый визит в Новинки состоялся, согласно «календарю» Саломе, 20 июля: «В *Новинки*; там до позднего вечера; *бабушка*». Второй, краткий, — 21 июля: «В полдень нас отвезли в Новинки, позже — домой». Наконец, последний, третий (о нем, видимо, и рассказывает далее Саломе) — 22 июля: «Вечером вернулись в *Новинки*». Проведя у Толстых весь день 23

концу нашего пребывания в деревне у *Дрож<жина>* столь щедрый и богатый дар, знакомство с этим восхитительным типом русской помещичьей жизни означало, что наше путешествие неожиданно поднялось на новую ступень. Сам *Дрожжин* как-то поблек в связи с этим. Что удивительно: в самом начале, как только мы приехали, он показался нам идеалом крестьянина и могучей личностью, соединяющей в себе поэзию и правду повседневной жизни; затем, с появлением его жены, всё немного изменилось, окрасившись впечатлением трогательности и несамостоятельности; но это повредило лишь восприятию его стихов: они показались нам теперь не полноценным выражением русской деревенской жизни, а лишь поэтическим ее толкованием. Этот легкий оттенок поэтического отступления от истины, звучавший поначалу приятно и тонко, сделался почти резким и неприятным, почти смешным при соприкосновении поэта-крестьянина с глубоко образованными, своеобразными Толстыми, таящими в себе огромную цельность. *Дрож<жин>* неуверен в себе, приходит в восторг, когда над ним подшучивают, а порой прямо-таки тщеславен и ограничен, так что невозможно глядеть на этого человека, которого всё же искренне считаешь, без почти болезненного чувства. То, что здесь выше его, это не просто богатство и образование, а прежде всего подлинное превосходство людей, развившихся в полную силу. Они тоже развивались в ограниченном пространстве — в условиях своего политического и религиозного консерватизма, своей патриархальности и веры в чудесное, но всё это — общепринятые прочные ступени человеческого роста, надежная опора для тех, кто на них стоит; в то же время *Дрож<жин>*, хоть он и вернулся в деревню и способен искренне и глубоко ей радоваться, всё же внутренне расстался с деревней в той мере, в какой вознамерился сделать из себя поэта и даже мыслителя (стать исключением). Бесспорная оригинальность Толстых, этих трех людей: *бабушки*,¹ Николая Алек<сеевича>² и *Марии* Алек<сеевны>,¹ вместе с их детьми,² — произвела на

июля, Рильке и Саломе вечером отправились от них на станцию и оттуда поездом — в Чудово («Вечером — отъезд»).

¹ Толстая Надежда Александровна (урожд. Козлова; 1835—1909), мать Н. А. Толстого.

² Толстой Николай Алексеевич (1856—1918), надворный советник, помещик Тверской губ., владелец имения Новинки; поэт, прозаик, драматург и художник. Опубликовал поэму «Дон Жуан» (М., 1900), сборник стихов, фельетонов и очерков «Обо всем и прочем» (М., 1905); в течение многих лет переводил Шекспира. В 1918 г. был вынужден покинуть Новинки, жил у родственников. Расстрелян в с. Завидово как заложник.

В письме к матери от 25 июля 1900 г. Рильке рассказывает: «Дрожжин привез меня к помещикам той же губернии, которые встретили меня столь ласково, что уже вечером я переселился из избы в хоромы, где с благодарностью наслаждался всеми удобствами прекрасного дома и пышного парка. Хозяин — сельский дворянин (ветвь рода Толстых). Обитателями усадьбы, в которой я чувствовал себя как дома, являются Николай Алексеевич Толстой, его мать, жена, четверо детей, а также француженка, англичанка, домашний учитель и т. д. Пребывание там было особенно приятным потому, что эта ветвь Толстых — исконно русская, очень консервативная и глубоко религиозная; все события в этом доме связаны с какими-нибудь чудесами и тихим осуществлением их. Наталья Алексеевна <ошибка Рильке: Надежда Александровна> Толстая (мать) целых четыре дня рассказывала мне о странных обстоя-

меня незабываемое впечатление — самое сильное из тех впечатлений, что мне довелось получить после знакомства с самоотверженными московскими либералами, просветителями народа. Об этом я буду еще долго думать, обогащаясь пережитым и наслаждаясь его обилием. Ибо верующий и притом обладающий сильной индивидуальностью *барин* — это всё же нечто иное, чем верующий крестьянин, которому труднее развить свою индивидуальность. Такой *барин*, как *Коля*, — это, вероятно, уже целая драма, тогда как крестьянин — еще спокойная песня. Не обычная драма того, кто восстает против традиции или, будучи реакционером, защищает традицию от стремительно нарастающих новшеств (скажем, немецкие либералы и немецкое дворянство), но того, кто покоряется ей добровольно, ибо понимает, что критика разрушает плодотворные элементы и что отдельный человек должен уподобиться крестьянину, чтобы, подобно ему, подчинить свою индивидуальность высшему началу. Так его дворянская гордость оборачивается смирением, а его стремящаяся к развитию индивидуальная сила лишь подчеркивает традиционные требования.

2. С. Д. Дрожжин

СОВРЕМЕННЫЙ ГЕРМАНСКИЙ ПОЭТ РАЙНЕР РИЛЬКЕ:

Из записок и воспоминаний

Подготовка текста, публикация и комментарии Е. Г. Милюгиной³

В декабре 1899 года⁴ Ив<ан> Ив<анович> Горбунов-Посадов⁵ познакомил меня в Москве с известной писательницей, пишущей под псевдонимом Сергей Орловский, Софией Николаевной Шиль,⁶ которая в письме ко мне от 8 марта 1900 г. из Петербурга писала следующее: «Вы, вероятно, забыли о нашем мимолетном знакомстве прошлой зимою, когда Ив<ан> Ив<анович> Горбунов

тельствах своей жизни и жизни ее предков. Я очень подружился с Толстыми; разлука была нелегкой» [3, с. 285–286].

О Н. А. Толстом см. подробнее: *Толстой С. Н.* Осужденный жить: автобиографическая повесть. М., 1988; автор — Толстой Сергей Николаевич (1908—1971), младший сын Н. А. Толстого.

¹ Толстая Мария Алексеевна (урожд. Загряжская; 1868—1918), троюродная сестра Н. А. Толстого и его жена, добровольно разделившая его участь и вместе с ним расстрелянная.

² Дети Н. А. Толстого: Николай (1887—1915, погиб на войне), Вера (1890—1945), Иван (1891—1920, расстрелян), Алексей (1892—1920, расстрелян), Сергей (см. выше).

³ Текст печатается по изд.: 3, с. 557–564.

⁴ Дата ошибочная: в декабре 1899 г. С. Н. Шиль находилась за границей. Судя по письму С. Н. Шиль к Дрожжину от 8 марта 1900 г., их знакомство состоялось зимой 1898–1899 гг.

⁵ Горбунов-Посадов Иван Иванович (наст. фам. Горбунов; 1864–1940), поэт, прозаик, издатель; последователь идей Л. Н. Толстого, один из близких к нему людей. С 1887 г. заведующий конторой, в 1897–1925 гг. руководитель издательства «Посредник».

⁶ Шиль Софья Николаевна (псевд.: Сергей Орловский, С. О., Ш.; 13.09.1863–18.06.1928), писательница и переводчица, автор повестей и рассказов для детей, работ по литературоведению (Лирика молодого Тургенева. Прага, 1926) и педагогике.

привел вас вечером ко мне и мы еще раз разговаривали так много о Борнсе <Роберте Бернсе> и английском языке. Может быть, однако, вы помните и наше чаепитие, в надежде на это пишу вам. Дело в том, что я нынче зимою была в Берлине, где познакомилась с вашим большим почитателем и отличным переводчиком ваших стихов. Этот немецкий поэт, по имени господин Райнер Рильке, очень желал бы с вами познакомиться; он приедет в Россию со своею двоюродной сестрой, тоже писательницей, и они будут здесь вскоре после Святой. Господин Рильке очень просил меня дать ему ваш адрес, что я и исполнила. Он, кажется, хочет заехать к вам с сестрой, чтобы лично познакомиться с поэтом, который его приводит в восхищение. Они оба хорошо выучились говорить по-русски и любят Россию и всё русское больше немецкого.

Я сочла своим долгом, многоуважаемый Спиридон Дмитриевич, предупредить вас об этом посещении. Надеюсь, что эти милые, добрые и простые люди ничем не стеснят вас и вы найдете им какой-нибудь приличный ночлег, если они вздумают переночевать. Им так страстно хочется также видеть русскую деревню и настоящую крестьянскую жизнь. Будучи теперь проездом в Петербурге, я спросила у П. В. Засодимского¹ ваш адрес, потому что тот, который вы написали мне на вашей книжке, лежит в Москве, куда я скоро вернусь. П. В. Засодимский просит передать вам свой привет. С сердечным пожеланием всего лучшего остаюсь глубоко уважающая вас Софья Шиль. Адрес мой: Москва, Смоленский бульвар, дом Немчинова, Софья Николаевна Шиль». О будущем приезде ко мне заграничных гостей я сообщил также семье моего нового ближайшего друга — соседнего помещика Н. А. Толстого, который с большой радостью был готов содействовать мне к их приему и лучшей для них обстановке в только что отстроенной моей новой избе, в которой была тогда и теперь помещается моя библиотека.

Вскоре написал я об этом также в Петербург Ф. Ф. Фидлеру,² известному переводчику на немецкий язык Пушкина, Лермонтова и других наших известных поэтов, который в своем письме просил меня кланяться Рильке и говорил, что год тому назад они оба были у него.³

¹ Засодимский Павел Владимирович (1843—1912), писатель, участник «хождения в народ». Соч.: Хроника села Смурина (1874); Повести из жизни бедных (1876); Степные тайны (1880) и др.). Выступал как публицист и писатель для детей.

² Фидлер Федор Федорович (Фридрих Людвиг Конрад; 1859—1917), переводчик, педагог и собиратель частного «литературного музея», посвященного литераторам России и Германии, автор дневника — хроники жизни литераторов. В письме к Ф. Ф. Фидлеру от 29 марта 1900 г. Дрожжин писал: «Ко мне на Пасхе собирается Златовратский, а после Пасхи один из немецких поэтов, г. Райнер Рильке, он делает переводы моих стихотворений. Едет из Берлина в Россию вместе с двоюродной сестрой, тоже писательницей, с тем чтобы по возможности узнать русскую деревню. Мне об этом писала одна встретившаяся с ним в Берлине русская путешественница» [3, с. 554]. Златовратский Николай Николаевич (1845—1911), прозаик, публицист, мемуарист.

³ Впервые Рильке был в России весной 1899 г. вместе с Л. Андреас-Саломе и ее мужем, профессором-востоковедом Ф. Андреасом.

В письме уже из Москвы С. Н. Шиль мне пишет снова: «Как вы уже знаете, к вам собираются ваш переводчик, немецкий поэт Райнер Осипович Рильке, и его спутница, известная немецкая писательница Андреас-Саломе. Они просили меня сообщить вам, что будут у вас около 20-го числа этого месяца и желали бы провести неделю в вашей деревне. Госпожа Андреас-Саломе известна как очень талантливая романистка. Она кончила Цюрихский университет и была другом философа Ницше. Надеюсь, многоуважаемый Спиридон Дмитриевич, что вы похлопочете и устроите моих милых друзей. Они так *страстно и горячо любят Россию и всё русское*, что наш долг дать им самые светлые впечатления от нашей родины. Буду чрезвычайно рада, если вы не забудете прислать мне обещанную последнюю вашу книгу. С истинным уважением Софья Шиль».¹ Наконец, из Москвы от 2 июля я получаю письмо от самого Райнера Осиповича Рильке, в котором он пишет: «Многоуважаемый Спиридон Дмитриевич! Мы очень желаем посетить вас и с вами познакомиться; мы будем у вас во вторник; надеемся, что можно устроиться в деревне на несколько дней. Извините, что плохо говорим по-русски. Сердечно вам кланяемся ваши вам незнакомые друзья Р. М. Рильке и Лу Андреас-Саломе. Москва, Новомосковское подворье, Пятницкая улица. Воскресенье».

Затем по тому же адресу из Москвы я получаю другое письмо, от 3 июля, на открытке, в котором значится: «Мы приедем на станцию Завидово около 12 час<ов> дня, в среду 5 июля. Вчера уехать нам из Москвы не удалось. Кланяемся вам. Р. М. Рильке, Л. Андреас-Саломе».

В среду 5 июля, около 2 часов пополудни, в деревне послышался звон колокольчика. Я вышел на крыльцо, когда уже ямщицкая тройка бодрых лошадок завернула к моему дому. Первым вышел из тарантаса Райнер Рильке. Он был одет в триковую английскую куртку, в башмаках с открытыми до колен черными чулками и с тростью. После всеобщих приветствий я ввел дорогих гостей в приготовленную и обставленную нужной мебелью мою новую избу, разделенную на две половины, 4 окна которой выходили в мой небольшой садик, обсаженный кустами малины, крыжовника и смородины. Отпустив внесшего за нами вещи ямщика, мы уселись за самовар. Началось чаепитие, и завязалась общая беседа. Рильке говорил по-русски не так правильно, как сопутствующая ему Андреас-Саломе, но очень понятно. Он передал мне вырезку из «Прагского вестника» <<«Пражский вестник / Prager Veste»> за апрель 1900 года переведенных им из моей книжки «Песни крестьянина» на немецкий язык двух стихотворений: «Прими меня, сторонushка родная...» и «В родной деревне» («Всё тот же синий лес, всё те же косогорья...»). После чая и закуски они с любопытством осматривали мою библиотеку, затем я повел их в мой садик, и отсюда мы пошли пахотными и засеянными полями на Волгу, где долго они стояли и любо-

¹ Дрожжин выпустил из письма С. Н. Шиль от 11 июня 1900 г. следующий пассаж: «Но они люди европейские и не выносят одной русской вещи, именно клопов и тараканов. Так вот, может быть, вы устроите их у ближнего помещика, где почище. Я полагаю, что всякий с радостью согласится приютить у себя этих известных на своей родине литераторов» (с. 565).

вались открывшейся со всех сторон картиной моей родины. Возвращаясь, мы нарвали в заливном лугу по букету полевых цветов и, дойдя до Тихвинской часовни,¹ присели отдохнуть у ее родника, текущего через желоб, и осмотрели часовню, а от нее пошли лесом; по дороге Райнер Осипович попросил меня показать ему, на чем растет клюква. Тогда привел я их к болоту и указал на куст с этим растением; осмотрев его, Рильке сорвал несколько веток и вложил их в свою памятную книжку.

Вернувшись домой, после ужина я по их желанию прочитал некоторые мои стихотворения.

На другой день, едва только взошло солнышко, когда пастух в поле прогнал стадо и я еще спал, они уже встали и, напившись приготовленного женой парного молока, отправились босиком на прибрежное луговое поле и там все утро бродили по росистой траве, находя это, как они мне объясняли потом, очень полезным для здоровья...

На третий день я решился встать раньше их, чтобы вместе с ними идти на прогулку; только, не веруя в целебность для себя босого хождения по росе, надел высокие сапоги; мы долго бродили по росистому лугу, набирая новые букеты разнородных цветов. Вернувшись домой, после чая и завтрака мы взяли плетушки и отправились искать грибы. Дорогой я обратился к Луизе Густавовне с вопросом: «Как нравится вам моя родина?» — «Так у вас здесь хорошо, — отвечала она, — что, если бы возможно было, я навсегда осталась бы жить в вашей деревне». Вскоре мы очутились в лесу. Как много было неподдельной радости, когда кто-нибудь из них находил белый гриб или красноголовую сыроежку! Грибов в ту пору было мало, но всё же у троих нас набралось столько, что вечером моя Марья Афанасьевна соорудила нам на сковородке очень вкусное жаркое. В субботу, на четвертый день, 8 июля, я вместе с ними отправился к моему новому другу, соседнему помещику Н. А. Толстому, в его имение Новинки, отстоящее в полтораверстном расстоянии от Низовки, где, обласканные теплым приемом всей его семьи, очень весело провели время в дружеской беседе и прогулках по обширному саду и вековому сосновому лесу, и по неотступной просьбе Н. А. Толстого и его матери, Надежды Александровны, мы у них заночевали, а на другой день после завтрака и новых прогулок Н. А. Толстой снял нас на террасе в двух видах, сначала группой с его матерью и детьми, потом на лугу меня и Рильке вдвоем.

В понедельник, 10 июля, когда мои дорогие гости стали собираться к отъезду в Петербург, я, вручая им на память по книжке моих стихотворений² и по

¹ Тихвинская часовня (не сохр.) описана С. Д. Дрожжиным в стихотворении «Завещание».

² Среди русских книг Рильке находились две книги С. Д. Дрожжина с его дарственными надписями и датой 10 июля 1900 г.: «Избранные стихотворения» (СПб., 1900) и «Год крестьянина» (М., 1890). Нынешнее местонахождение этих книг неизвестно. Однако в списке книг, сохранившихся в веймарском архиве Рильке (в семье Йозефы и Клауса Байер), названия этих двух сборников отсутствуют, зато значится книга Дрожжина «Жизнь поэта-крестьянина» (СПб., 1900) с надписью: «Собрату по оружию Райнеру Мария Осиповичу Рильке на добрую

портрету, исполненному в 1898 году в Москве фотографией П. П. Павлова,¹ попросил их написать мне что-нибудь на память в мой альбом, открыл перед глазами Рильке пустую страницу альбома и подал ему перо.

— Что же вам написать? — улыбаясь, спросил меня Райнер Осипович.

— Да напишите мне, пожалуйста, свою краткую автобиографию.

Он, немного подумав, взял перо и написал следующее: «Родился я в Праге (Богемия) в 1875 году, 4 декабря. До десятилетнего возраста жизнь моя проходила в родном доме, и затем я был отдан в офицерское военное училище, в котором пробыл пять лет. После этого дома окончил курс гимназии.

Писательство мое началось с девятилетнего возраста, сначала прозой, затем стал писать драмы и лирические стихотворения. До сих пор (1900 г.) написано мной и издано: 4 книги стихотворений, 3 книги прозаических сочинений и 3 книги драматических».

Написав это, он прибавил еще следующее:

«Я говорил вам не один раз, что ваши стихотворения я очень *чрезвычайно* люблю. И теперь еще больше понимаю и люблю их, когда увидел родину ваших песен, вашу деревню и жизнь вашу в ней. Райнер Иосиф<ович> Рильке».

Когда я поблагодарил Райнера Осиповича за написанное, открыл другую страницу альбома и пододвинул его Луизе Густавовне, прося ее тоже что-нибудь написать, то она написала в нем почти то же, что сказала мне на прогулке, а именно:

«Познакомилась у вас с русской деревней, и захотелось в ней остаться навсегда. Луиза Густавовна Саломе. 10 июля 1900 года».

Райнер Осипович Рильке, между прочим, сказал мне, когда я попросил его карточку, что еще ни разу не снимался, но теперь, как только приедет в Берлин, то снимется непременно и пришлет ее мне. «А пока я вам подарю вот это», — и он подал мне со своими заметками на полях иллюстрированный каталог книг на немецком языке с краткими о них отзывами, на первой странице которого сделан профильный снимок бюста Райнера Осиповича и перечислены его сочинения. Под снимком им было написано: «*Дер<евня> Ворпсведе. Германия. Гамбург. Hamburg. Worpswede*».

Скажу, кстати, несколько слов о его наружности. Открытый широкий лоб с короткими светло-русыми волосами, зачесанными без пробора назад, худощавый, с легким румянцем на щеках, нос прямой, глаза большие, темно-серые, глубоко сидящие под слегка нахмуренными бровями, ласково высматривают исподлобья, над выдающейся вперед верхней губой небольшие тонкие усы и на маленьком подбородке едва пробивающаяся круглая, с редкими, такими же, как на голове, волосами, борода.

память. С. Дрожжин. Дер<евня> Низовка. 1900 г.». Таким образом, в 1900 г. Рильке имел четыре сборника стихотворений Дрожжина (три вышеназванных и «Песни крестьянина», полученные им в начале 1900 г. от С. Н. Шиль). Именно эти четыре книги и указаны Рильке в его собственном перечне русских книг [3, с. 565].

¹ Павлов Петр Петрович, московский фотограф.

В назначенный час для отъезда на Завидовскую станцию Н<иколаевской> ж<елезной> д<ороги> им была подана тележка, запряженная парой лошадей, любезно присланных Н. А. Толстым. Мои гости, довольные и благодарные за русское гостеприимство, уселись и, отъезжая, долго, пока не скрылись из виду, махали мне платками.

Вскоре после их отъезда, из Алушты, в письме от 14 июля, Софья Николаевна Шиль писала мне, между прочим, следующее: «С истинной радостью узнала я о пребывании у вас моих милых заграничных друзей и о том радушном приеме, который они нашли у вас. Боюсь только, не слишком ли они вас стеснили. Я так рада, что и вы познакомились с этими славными и симпатичными личностями; надеюсь, и вперед ваша связь с вашим переводчиком не порвется. И госпожа Андреас, и Райнер Рильке очарованы вашей добротой и прелестью сельской жизни; оба они склонны немного идеализировать нашу русскую действительность».

Через четыре дня после этого письма я получил в запечатанном желтым сургучом оригинальной печатью конверте также письмо и от самого Рильке. <...> В январе 1901 г. я получил из Берлина от Рильке с надписями по-русски и по-немецки на память два фотографических портрета, его и Андреас-Саломе, книгу стихотворений, озаглавленную «*Mir zur Feier. Gedichte von Rainer Maria Rilke*», и письмо следующего содержания. <...> Хорошо не запомню, писал ли я после этого в ответ на его письмо. Только впоследствии одно из моих писем по ненахождению адресата вернулось ко мне обратно, и я больше не делал попыток писать ему.

В 1904 году я получил от него брошюру на немецком языке, которую для меня перевел один из моих знакомых. Она в переводе озаглавлена так: «Изображение любви и смерти корнета Отто Рильке (написано в 1899 г.). Райнер Мария Рильке. Отдельный оттиск ежемесячного обозрения „Немецкий Труд“, IV, 1, Издание Карла Бельмана. Прага. 1904 г.» На обложке брошюры значится рукою автора:

«Поэту и приятелю Спиридону Д. Дрожжину посылает сердечнейшие поздравления и спасибо за добрую память Райнер Осипов<ич> Рильке».

Дер<евня> Низовка, 9 июня 1913 г.¹

¹ Воспоминания о Рильке Дрожжин написал в начале июня 1913 г. по просьбе своего приятеля Ивана Алексеевича Белоусова (1863–1930), редактора-издателя московского журнала «Путь». Позднее, опираясь на воспоминания Дрожжина, И. А. Белоусов написал небольшую статью «С. Д. Дрожжин и Р. Рильке», опубликованную в московском литературном журнале «Свободный час» (1919. № 8 (1), январь. С. 9).